

Эмюс молча следовал за тюремщиком.

Сыкадило не стал бы вызывать его в такое время без веской причины. Эта ядовитая тварь с красными глазами никогда не совершает бессмысленных поступков.

Может, дело в том, что Се Ижань публично признал метку? Или Сыкадило видел их недавнюю постыдную близость?

Тюремщик остановился перед тяжелой металлической дверью, украшенной гербом тюрьмы Грейс. Это был не основной административный блок, где обычно работал Сыкадило, а более уединенная комната для допросов. Как только створки разъехались в стороны, в нос ударил слабый запах железа, витавший в полумраке помещения.

— Заходи.

Тюремщик отошел в сторону, его голос звучал абсолютно равнодушно.

Эмюс глубоко вдохнул и переступил порог, сохраняя на лице невозмутимость. Комната была просторной, но обставлена до жестокости аскетично. В самом центре к полу было намертво привинчено металлическое кресло, а вокруг него в беспорядке валялись инструменты, назначение которых было сложно определить, но их холодный металлический блеск внушал опасение.

В этом гнетущем, ледяном пространстве Сыкадило не оказалось.

Когда Эмюс встал перед креслом для допросов, его мышцы невольно напряглись, а темно-синие глаза настороженно сканировали тени по углам.

Цок... цок... цок...

Медленные, отчетливые шаги донеслись сзади сбоку, сопровождаемые игривостью кота, играющего с пойманной мышью.

Эмюс резко обернулся.

Сыкадило медленно вышел из тени, его алые зрачки, словно горячая кровь, намертво впились в Эмюса. Он был, как всегда, в безупречно отглаженной форме начальника тюрьмы, в белоснежных перчатках, а на его губах играла привычная, фальшиво-элегантная улыбка.

— Снова встретились, мой дорогой генерал-майор.

Он медленно приближался, обошел вокруг Эмюса, внимательно изучая его, словно проводя осмотр, и в конце концов бесцеремонно устоялся на затылок Эмюса.

— ...Похоже, сегодняшний вечер у генерал-майора выдался весьма насыщенным.

Эмюс лишь крепче сжал челюсти и промолчал, даже не удостоив Сыкадило взглядом. Казалось, того и не интересовал ответ. Сыкадило остановился прямо за спиной Эмюса, слегка наклонился и, приблизив нос к шее собеседника, глубоко вдохнул. В этом жесте было нечто откровенно агрессивное.

— Хм... черный чай.

Он прищурился, словно дегустируя редкий крепкий алкоголь.

— Вкус властный, с ноткой... дикой, сырой крови. Похоже, у нашего нового господина весьма специфические и довольно... грубые вкусы.

Он выпрямился, и в его красных глазах вспыхнула нескрываемая злоба вперемешку с любопытством.

— Скажи мне, Эмюс.

Его голос стал тише, приобретая гипнотически опасные нотки.

— Каково это — быть насильно помеченным? А? Когда он... прижал тебя к стене, словно дикий зверь, и вцепился зубами... Наш высокомерный генерал-майор почувствовал гнев или... постыдное возбуждение?

Дыхание Эмюса на мгновение сбилось. В голове всплыли те темно-зеленые глаза, и он до боли впился ногтями в ладони.

Сыкадило чутко уловил перемену.

— Похоже, и то, и другое?

Сыкадило тихо рассмеялся, явно упиваясь собственной злобой, и медленно добавил:

— Поистине... отвратительная и очаровательная реакция.

Он внезапно протянул руку и пальцами в белой перчатке крепко сжал подбородок Эмюса, заставляя того поднять голову и встретиться с ним взглядом.

— Знаешь что?

Голос Сыкадило стал мягким, но оттого еще более опасным.

— Я только что получил интересное известие: семья Эллер... в одностороннем порядке расторгла твой тайный брачный контракт.

Зрачки Эмюса сузились, и этот крошечный синий отблеск отразился в алых глазах Сыкадило, заставляя того снова усмехнуться. Сыкадило с удовлетворением наблюдал, как в глазах противника промелькнуло отчаяние, и сжал пальцы так сильно, что кости челюсти Эмюса едва не хрустнули.

— Они даже не потрудились лично уведомить тебя, эту использованную и выброшенную пешку.

Он выплюнул эти ядовитые слова, любясь тем, как с лица Эмюса исчезают последние капли крови.

— Похоже, даже твоя последняя ценность как сосуда для размножения была полностью уничтожена тем диким самцом жуков, который невесть откуда взялся.

Эмюс закрыл глаза, его длинные ресницы мелко дрожали, как крылья умирающей бабочки.

— Довольно... Сыкадило.

Эмюс наконец обрел голос. Он отчетливо чувствовал, как холод разливается по телу, словно его накрыло ледяной волной.

— Довольно?

Сыкадило усмехнулся, будто услышал нечто до смешного нелепое. Его алые глаза сузились, и злоба в них стала почти осязаемой.

— Ты думаешь, это всё?

Он сделал резкий шаг вперед, почти касаясь носом лица Эмюса, его маска элегантности окончательно треснула, обнажив искаженную ненависть.

— Эмюс Ланселот, когда ты уничтожал моего единственного младшего брата, слышал ли ты, как он говорил тебе довольно?!

Его голос внезапно взлетел до крика, отражаясь холодным эхом от стен комнаты допросов.

— Мой брат Карл... пусть он был отъявленным космическим пиратом, пусть грабил торговые караваны Империи и его руки были по локоть в крови, ну и что?! Он был прямой кровью семьи Дрейк! Его преступления должны были судить по законам семьи, а не тебе — мелкому генерал-майору пограничного флота — без объявления войны отдавать приказ превратить его линкор в пыль!

— Твоя так называемая справедливость, эти смехотворные законы Империи!

Сыкадило резко взмахнул рукой, указывая на холодные орудия пыток, и на его губах появилась мрачная усмешка.

— Посмотри, где ты сейчас, Эмюс! Посмотри на себя! Вот как закон оплатил тебе за службу!

Он схватил Эмюса за воротник и с силой впечатал в металлическую стену, отчего раздался глухой удар.

— Мой брат, каким бы никчемным и мерзким он ни был, я вырастил его своими руками!

Белки глаз Сыкадило налились пугающей краснотой, в них бурлило безумие, выстраданное и выпестованное за долгие годы.

— А ты... ты даже не дал ему шанса предстать перед судом! С чего ты взял, что вправе решать его судьбу?! С чего ты взял, что можешь выменять свои военные заслуги и славу на кровь, которой испачканы твои руки?!

Спина Эмюса тяжело ударилась о стену, пронзительная боль отозвалась во всем теле, но в его темно-синих глазах по-прежнему застыло мертвое ледяное море. Лишь в самой глубине промелькнуло едва заметное колебание.

Он помнил тот бой. Космический пират Кровавый ворон Карл Дрейк. Известный своей жестокостью и коварством, он только что вырезал экипаж миграционного корабля, на обшивке которого запеклись следы бесчисленных смертей. У вражеского линкора были превосходные характеристики, и он уже готовился совершить прыжок в пояс астероидов, где его было бы невозможно отследить. У него не было времени запрашивать приказы, и не было уверенности, что удастся взять его живым.

Цель захвачена, огонь на поражение, уничтожить немедленно.

В тот момент, когда он отдал приказ, в общем канале связи послышался молодой, дерзкий голос, который в яростном смехе проклинал его... а затем всё поглотила тишина и пламя взрыва.

Он ни разу не пожалел об этом решении. Даже если бы всё пришлось повторить, он бы снова

открыл огонь. Он просто не ожидал, что за спиной этого одиозного пирата стоит могущественная семья Дрейк, и не ожидал, что расправляться с ним пришлют именно такого безумца, как Сыкадило.

— Язык проглотил?

Сыкадило смотрел на его молчание, кивнул, и его лицо подернулось в искаженной улыбке.

— А... верно. Наш железный и беспристрастный генерал-майор Ланселот никогда не жалеет о своих правильных решениях, не так ли?

Он разжал руки, отступил на шаг и поправил воротник, сбившийся от резких движений. Его дыхание постепенно выравнилось, но ненависть и безумие в глазах стали только гуще.

— Ничего страшного.

Голос Сыкадило снова стал мягким, но от этого стало еще страшнее, чем от крика.

— Теперь ты в моих руках, Эмюс. Это поистине лучший подарок судьбы.

Он прохаживался взад-вперед, его взгляд, словно раздвоенный язык змеи, медленно лизал опухшую шею Эмюса.

— Семья Эллер бросила тебя, и прекрасно — мне же меньше хлопот с ними возиться. Теперь у тебя совсем ничего не осталось, кроме этого... довольно неплохого тела и лица, о котором день и ночь грезят все самцы жуков.

Он остановился перед Эмюсом и протянул палец, почти нежно коснувшись теней под его глазами. Движение было мягким, но Эмюса от него замутило.

— Как думаешь, как мне стоит тебя поприветствовать, чтобы отдать дань памяти моему непутевому, но погибшему от твоих рук брату?

Кончик пальца Сыкадило наконец лег на опухшую железу, и он слегка нажал.

— Может, позволить им медленно довести тебя до ручки...

Он наклонился, и его горячее дыхание опалило ухо Эмюса, проникая в тело ледяным холодом.

— ...позволить тебе самому узнать вкус того, как это — терять всё и сгнивать в отчаянии? Ты же знаешь, как сильно ты сейчас нравишься этим самцам жуков?

Как только Сыкадило закончил фразу, зрачки Эмюса резко сузились.

— Даже не... надейся.

Он произнес это по слогам, его костяшки пальцев побелели, а в темно-синих глазах застыл холод.

— Даже если я умру, я ни за что не позволю себя унижить.

— Хм.

Сыкадило лишь холодно усмехнулся и, приблизившись к самому уху Эмюса, прошептал:

— Ну что ж, если ты умрешь, я просто схвачу твоего младшего соученика... и заставлю его искупать твою вину.

Сердце Эмюса в этот момент едва не остановилось.

<http://bllate.org/book/20053/1982465>